

SANDER KOLLAARD «UIT HET LEVEN VAN EEN HOND»

(blz 6 t/m 12, e-book)

Vertaald door Vera TRENINA

ПЕРЕВОД ОТРЫВКА ИЗ КНИГИ САНДЕРА КОЛЛАРДА «ИЗ ЖИЗНИ СОБАКИ»

(стр.6 -12, электронный вариант)

Перевод Веры Трениной

«Сердце бьется, кровь бежит по жилам», - думает Хэнк ван Доорн, проснувшись. Если хорошенько все взвесить, это самое умное, что можно сказать в данной ситуации.

Занятная мысль, нетривиальное начало дня и пробуждения сознания. В любом случае, именно таким и следует быть утру: оно предполагает продолжение. После появления первой мысли в голову начинают проникать новые данные: об окружающем его пространстве (спальня), о времени (где-то между восемью и девятью) и о погоде (солнечно). Но все это не очень греет душу. Мысли лезут в голову нехотя, как подростки, которые только что проснулись и хмуро, с кислыми минами плетутся завтракать, недовольные тем, что их желудкам опять надо будет переваривать новый день. Хэнк, еще сонный и тяжело вдавленный в матрас, наблюдает со стороны за поступлением новой информации: что сегодня суббота; что его пес Негодник вчера вечером неважно выглядел, возможно, съел какую-то дрянь; что он должен поздравить с днем рождения свою племянницу Розу. С накоплением поступающей информации до него доходит и то, кто он такой: Хэнк ван Доорн, санитар отделения интенсивной терапии, 56 лет.

Посмотрев на часы, он обнаруживает, что исходные данные не совсем верны. Сейчас только несколько минут седьмого. В связи с этим возникает вопрос, не перевернуться ли ему на другой бок и закрыть глаза, чтобы вся накопившаяся информация утонула в новом сне. Очень соблазнительная мысль, но уже поздно. Критическая масса информации набрана, да и со всех сторон уже надвигаются новые данные, более будоражащие, не такие, как те ленивые подростки, а скорее похожие на годовалых телят, которых он видел несколько дней назад на лужайке. Они преследовали их с Негодником вдоль забора – возбужденные, озорные - до тех пор, пока он не сделал шаг в их сторону. «Мууу», - и телята дружно отступили на несколько метров и уставились на них с Негодником полукругом мокрых носов и дремотных глаз, – вот так и сейчас подробности о том, кто он такой и чем занимается, нацелились на него, все еще неподвижно лежащего в постели.

Он вновь чувствует, как бьется сердце и кровь бежит по жилам. Хэнк вспоминает о разговоре вчера вечером в конце смены с новой коллегой, имя которой опять вылетело у него из головы. Речь зашла о смысле, который вкладывают в слово «сердце»: что оно умеет хранить тайны; что оно может остановиться; что оно может переполниться любовью, а иногда остается пугающе холодным. «Все чепуха, - сказала женщина решительным тоном, который ему не очень понравился. - Чепуха. Сердце – это насос. Оно бьется, качает кровь, вот и все.»

Ну ладно, пора вставать. Хэнк поворачивается на спину и потягивается. Солнечный свет заливает комнату и слишком явно напоминает о том, что сейчас лето. А точнее, июль. Разгар лета. Уже весь день удушающе жарко; начинают увядать листья на деревьях, которые тихонько стоят вдоль улицы, ошалев от жары; у улиц и магазинов заброшенный вид, так как все разъехались по отпускам. Хэнк никуда не поехал, потому что ехать в отпуск ему не с кем, а отправиться с группой туристов-одиночек в классическую Грецию, гостеприимную Гамбию или таинственную Антарктику, как советует брат, ему сто лет не нужно. Уж лучше сдохнуть. «Господи ты Боже мой, - думает он, вдруг рассердившись, - ну что за дурень этот Фрейк? С чего он взял, что у меня проблема? И ее надо как-то решать?» Волосатые кулаки непроизвольно сжимаются на одеяле, и мысленно он опять

клянёт Фрейка, как часто бывает: его младшему брату не хватает смелости признать, что существуют отклонения от общепринятого образа жизни. От *его* образа жизни. Хэнк не вписывается в эту схему. Хэнк разведен - минус; Хэнк живет один – минус; Хэнк не ездит в отпуск – минус. И так до бесконечности. Нет банковских вкладов – минус. Нет «ауди» -- минус. Нет собственного дома – минус. Не ходит три раза в неделю в спортзал – минус. Кулаки Хэнка имитируют движения сердца и перекачивают его ярость, как черную кровь, которая отравляет весь его организм - его любовь к жизни, радость бытия. Он уговаривает себя успокоиться. Злость портит ему жизнь. Она делает его жестоким и неприятным. Она его старит. Его бы даже не удивило, если бы выяснилось, что от злости он толстеет, а это уж точно не входит в его планы.

Саския, вот как зовут его новую коллегу. Хрупкая крашенная блондинка с размалеванными глазами. Хэнк представляет себе, каким она его видит: пожилой усталый человек, слишком толстый и уже не очень современный. Старая гвардия. Отстой. Она, в свою очередь, не догадывается, как она сама выглядит в его глазах. Зеленая молодежь. Больше знаний, чем опыта. Больше энергии, чем ума, как у тех годовалых бычков. Вчера они разговаривали в доверительной, спокойной обстановке, какая обычно бывает в конце вечерней смены, особенно если никто из их пациентов не умер. Бедняги, конечно, могут умереть в следующую смену, или через смену, но пока все живы. Значит, медики как следует сделали свою работу. Они сидели в комнате для персонала, пили кофе и говорили о сердце. Это удивительный человеческий орган. Он отвечает за наши самые сокровенные чувства. «Чушь, - сказала Саския.- Все это глупые сантименты.»

Он вспомнил Граучо Маркса¹ и расхохотался. *Я намереваюсь жить вечно или умереть, пытаюсь достичь этой цели.* Смех снимает раздражение. Он еще раз потягивается и выпрямляется на кровати, в предвкушении длинного свободного уик-энда. Неплохо. Солнце падает на деревянный пол печеночного цвета и березовые книжные шкафы, которые он сам смастерил. Он поселился здесь, на Ниювстраат, после развода, вот уже три года назад. На первом этаже особняка живет ворчливая пожилая пара, второй и третий этажи – его. Спальня – на третьем этаже, из окон через соседские крыши виднеется нагромождение садиков, сарайчиков и заборов. Свет падает в комнату с двух сторон, но снаружи заглянуть в нее никто не может, и кажется, что комната парит над городом. Это его убежище, его воронье гнездо. Место приятного затворничества. Здесь он свободен, далек от суеты, которую несет с собой человеческое общение. Глаза скользят по шкафу, заполненному книгами, каждая из которых ему знакома особенным образом, каждая для него что-то значит. Вон замечательная книга, тоненькая, в оранжевом переплете. Он читал ее в тот год, когда они разводились. Лидия не нашла в ней ничего особенного, и это, возможно, сыграло решающую роль: кто не понимает всей прелести этой книги, ничего не стоит в жизни. Вот и все.

Он постепенно садится на кровати, мысли опять уносятся куда-то вдаль, в начало жизни. Теперь темп убыстряется. Информация уплотняется, собирается в комочки и постепенно затвердевает. Теперь можно вставать. И он встает, влекомый жаждой жизни, улыбающийся свободной субботе, которая приплясывает перед ним, как ребенок.

---

¹ Граучо Маркс (1890-1977) – американский актер-комик, участник комик-группы, известной как Братья Маркс (*Прим. перев.*)

* * *

Хэнк – обстоятельный человек. Он считает это хорошим качеством, и поэтому мирится со своим неумением быстро, элегантно и находчиво реагировать на некоторые выпады. Правда, иногда он страдает от этого, как вчера с Саскией. Она говорила, он слушал. Он попробовал пару раз внести в разговор какие-то нюансы или что-то возразить, но она, казалось, его не слышала. Ее самоуверенность мешала ему. Он не любит людей, имеющих на все готовый ответ, особенно это касается молодежи – им пошло бы только на пользу, если бы они понимали, что не могут знать всего на свете.

Ну ладно, она была слишком самоуверенна, но так ли уж она неправа? Что бы он сказал, если бы обладал даром находчивого полемиста? Что-нибудь вроде этого: конечно, Саския, сердце – это насос, но оно имеет гораздо большее значение, как и любой человеческий орган. Мы водим кого-то за нос. Что-то происходит у нас за спиной. У кого-то чешутся руки. А когда мы влюблены, то чувствуем, как грудь вздымается, и тогда говорят, что сердце выпрыгивает из груди. Само собой разумеется, что в языке есть множество образных выражений, в которых встречаются части человеческого тела, об этом я и говорю. И что именно тебе здесь не нравится? Ты считаешь, что нельзя использовать в языке органы человеческого тела как источник метафор? Что ты имеешь в виду, говоря о «глупых сантиментах»? Честно говоря, я думаю, ты сама этого не знаешь. Представления не имеешь. Твоя самоуверенность и поток слов, повторение своих собственных доводов и игнорирование моих возражений, это от верхоглядства молодости. Ты просто хочешь выговориться, снять напряжение, такое естественное при нашей работе.

Мне 28. Не так уж и мало.

Молодость – это не всегда про возраст, Саския. В моих глазах ты молодая, потому что у тебя еще отсутствует способность к рефлексии. Ты рассуждаешь о чувствах, в которых ничего по-настоящему не понимаешь, и вкладываешь в свои слова первый попавшийся смысл, который смогла придумать, чтобы таким образом побыстрее закончить разговор. Но сказав это -

Ну давай же, говори!

- сказав это, Саския, я понимаю, что здесь ты поднимаешь интересный вопрос. Сердце бьется, кровь бежит по жилам. И мы – только материальная оболочка. Чтобы быть более точным – мы биологически анимированная материальная оболочка. На мой взгляд, это простая констатация факта, но поразительно, что очень многие с этим не согласны. Всего лишь материальная оболочка! Как можно утверждать такое! Как это мертвенно и безрадостно! Возражения сводятся к мысли о том, что мы – гораздо больше, чем просто материальная оболочка. Что у нас есть душа, или дух, внутренний бог, нечто благородное или индивидуализированное, что возвышает нас над грубой материей. Это чувство, которое отражает в себе наши многовековые представления о своей исключительности, о

том, что мы – венец творения или логическое и блестящее завершение эволюции. Но теперь мы знаем, что нет никакого предназначения, ни воли, ни высшего разума. Нет никакой необходимости в нашем существовании. В отличие от других, я считаю это восхитительной, раскрепощающей мыслью. Мы можем делать сами и позволять другим делать все, что угодно, и поэтому действительно свободны, не связаны никакой надеждой на спасение или предназначением. Так что ты права, Саския, мы – только материальная оболочка –

Вот я и сказал это!

Я сказал это, и я на твоей стороне. Мы сделаны «из времени и пепла», как писал Борхес. Ты знаешь, кто это? Конечно же, нет. Время и пепел. Я – прах, который существовал миллиарды лет до моего рождения, и по счастливой случайности в 1961 году обрел мою оболочку. Когда я умру, оболочка вновь исчезнет. Мне кажется это печальной перспективой – несмотря на его очевидные недостатки, я очень привязан к своему материальному образу – но кто знает, может быть, когда-нибудь частички и пылинки праха, который теперь носит мое имя, приобретут другие формы, превратятся в кота или волка, в роман или в поцелуй? Это грубо? Это мертво и бессердечно? Лично я вижу в этом величие. Величие: грандиозный увлекательный рассказ, который –

Ну ладно, нет у Хэнка адекватного возражения. Он обстоятельный человек. Он обязательно все обдумает, прежде чем что-то сказать, но за это ему иногда приходится платить. Вчера вечером по дороге домой он заново прокручивал в голове разговор с Саскией, но Саскии рядом не было. Никого не было рядом, и хотя он с некоторым наслаждением вновь принялся проговаривать про себя их диалог, его не оставляло чувство одиночества. Он двигался по А9, свернул на съезде на Дримонд², поехал вдоль канала и свернул налево, потом направо, въехал в Вейсп³, потом покатил прямо по булыжной мостовой в направлении ратуши, массивно возвышавшейся на фоне ночного летнего неба, повернул направо и выехал на набережную канала.

* * *

С собакой что-то не так. Его Негодник шел за ним по пятам, как всегда, но как-то неохотно. То и дело с упрёком останавливался, задыхаясь, вялый язык вывалился сбоку из пасти.

-- Ну давай, дружок!

Хэнк старается говорить ободряюще, но сам слышит в своем голосе беспокойство. С Негодником что-то не так. Хэнк не узнает свою собаку. Что-то случилось. В собаке чувствуется какое-то отчуждение. И Хэнк, в свою очередь, чувствует, что и он стал чужим для Негодника. Естественность, с которой собака в нормальной ситуации реагирует на

² Дримонд – часть муниципального района Амстердама-Зейдоост. (Прим. перев.)

³ Вейсп – община и город в нидерландской провинции Северная Голландия. (Прим. перев.)

него, смотрит на него, ее всегдашнее желание знать, где хозяин и как у него дела, исчезли. Взаимная отчужденность выдает, что произошло на самом деле: его Негодник заболел. Это не от старости и не от усталости, не от того, что ему душно из-за жары, не от того, что он съел какую-то дрянь. Нет, он заболел. Вот что делает болезнь – она перечеркивает наши нормальные отношения и делает нас чужими. Она уничтожает нашу естественную значимость друг для друга. Она разрушает близость. И вот между ними уже пропасть, и они смотрят друг на друга с ее противоположных краев: Хэнк - с парализующим страхом в груди, а маленький Негодник ..., да этого Хэнк даже и не знает.

Но он сдерживает себя. Собаку нельзя расстраивать. Ему надо каким-то образом заманить животное обратно в привычный мир. Он должен оставаться верным своей роли уверенного в себе человека, каким собака его знает. Он – хозяин. Он – человек с твердой походкой, помахивающий отстегнутым поводком. Он может внезапно подать команду, например, эту: «Ко мне!»

Хэнк пристегивает поводок, и они отправляются на прогулку вдоль Фехта⁴. Он знает, что Негодник любит побегать. Бег поднимают настроение. Бег – это погоня за злоумышленником, или поиски мяча или охота за добычей. И собака с удовольствием бежит за ним, возбужденно лая, до краев наполненная жизнью.

Однако пройдя несколько метров, Хэнк понимает, что сейчас слишком жарко для серьезных упражнений, но возвращаться уже поздно, потому что собаку надо увлечь прогулкой, и он бодро продолжает бежать трусцой. Он одет как раз для пробежки. Тренировочные штаны и старая, выцветшая майка, которую он когда-то выиграл в лотерею в Ассоциации медперсонала. *Вступай в Ассоциацию медперсонала*. Кроссовки надо было выбросить еще в прошлом году, это выдает в нем отсутствие самодисциплины. Время от времени из-за постоянного увеличения веса его одолевают благие намерения бегать регулярно (а также меньше есть, решительно забыть про кубики сыра, вписать в график абсолютно безалкогольные дни и ни под каким предлогом не сыпать сахар в кофе), но постепенно, после третьей или четвертой неудачной попытки, он сдается. Должны же оставаться хоть какие-то удовольствия, уговаривает он себя, жизнь слишком коротка. А если ты не бегаешь, внушает ему отсутствующий сейчас рядом Фрейк, ты еще больше укорачиваешь жизнь.

Он бежит. И потеет. И ждет легкого постукивания собачьих лап по асфальту, собачьего лая, но ничего не слышит, а когда оборачивается, то видит, что Негодник вовсе не бежит за ним, а лег на траву на обочине. Хэнк останавливается, бросается назад и опускается на колени перед собакой, которая смотрит на него без всякой надежды на поддержку. Хэнк не может понять, что происходит с собакой. Он гладит зверька по голове, пропускает мягкое шелковое ушко между большим и указательным пальцем, как он это любит.

-- Ну что ты, дружок...

-- Он, наверное, пить хочет...

---

⁴ Фехт – река в Нидерландах. (Прим. перев.)

Женский голос совершенно застаёт его врасплох. Обернувшись, Хэнк понимает, что полностью занят собакой, поэтому почти ничего не замечает вокруг. У невысокой – по пояс - решетчатой калитки, которая ведет к захламленному, мощенному гравийной плиткой дворику перед плавучим домом, стоит женщина. На земле валяется груда досок, серых от гнили и времени. В куче горшков, консервных банок и кастрюль стоят цветы в разной степени жизненного цикла – от налившихся бутонов до полностью засохших соцветий. Проход к двери дома загораживает мопед, в полуразобранном состоянии, заваленный какими-то деталями и инструментами. И у самой женщины вид тоже какой-то разобранный. Хэнк замечает, что когда-то она была красивой, но то время прошло. По отношению к женщинам годы более жестоки, чем к мужчинам. Нет, возражает себе Хэнк, это не годы, а мужчины, более жестоко относятся к женщинам, чем к себе. Хэнк считает себя сочувствующим феминизму и поэтому с удовольствием поправляет себя, но его раздражает, что каждая мысль о женщинах внушает ему неуверенность: он же мужчина, в конце концов. Вот и сейчас. Парализованный внезапным наплывом мыслей о несправедливости, которой подвергаются женщины со стороны мужчин, он упускает, что надо как-то реагировать и остается неподвижным. Но ничего. Женщина полностью занята собакой, на него она не обращает внимания.

-- Ох ты, бедняжка..., - говорит она.

Негодник лежит, вытянув передние лапы и поджав под себя задние, так, что бедра торчат выше спины. Он дышит прерывисто. Жалко смотреть на его язык, болезненный и бледный, как старое, пересушенное посудное полотенце. Женщина уходит и возвращается через минуту с миской воды. Она открывает калитку, переходит дорогу и ставит миску перед собакой. Негодник не проявляет к воде никакого интереса. Он смотрит на Хэнка. Хэнк пододвигает миску поближе.

-- Вот, смотри...

Негодник делает пару глотков, сначала как бы по обязанности, потом более охотно. Он даже встает на ноги и время от времени энергично виляет хвостом от июльской жары.

-- Вот и молодец, дружок, правильно...

Женщина тоже опускается на колени рядом с собакой, и вдруг оказывается, что Хэнк сидит на берегу Фехта рядом с незнакомой женщиной.